

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

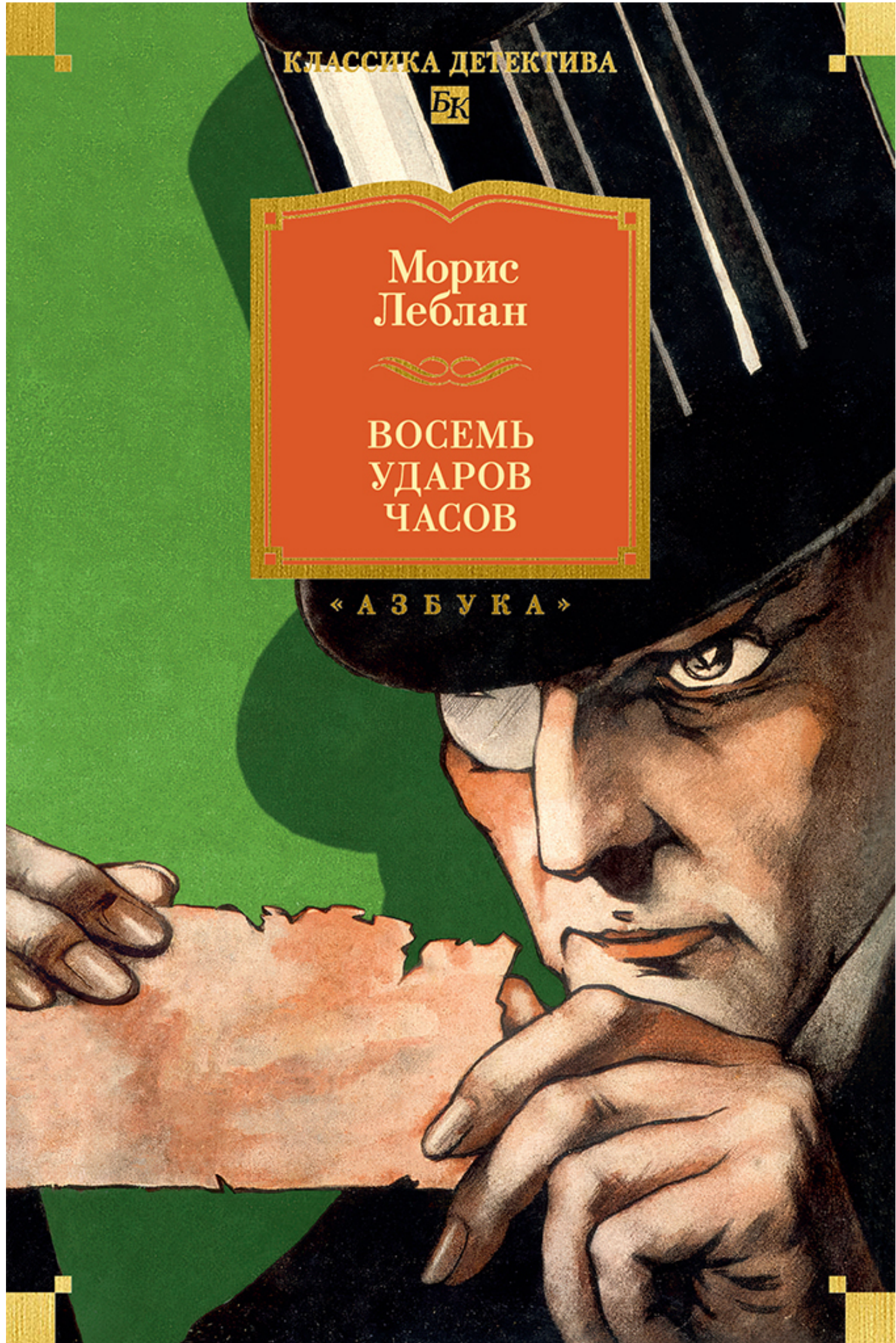
БК

Морис
Леблан

ВОСЕМЬ
УДАРОВ
ЧАСОВ

« А З Б У К А »

Арсен Люпен

Морис Леблан

**Восемь ударов часов.
Сборник рассказов**

«Азбука»

1922

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Леблан М.

Восемь ударов часов. Сборник рассказов / М. Леблан —
«Азбука», 1922 — (Арсен Люпен)

ISBN 978-5-389-33950-7

Книги французского писателя Мориса Леблана о приключениях Арсена Люпена раскупались при жизни автора огромными тиражами, превышающими тиражи книг самого Конан Дойла. Арсен Люпен – великий искатель приключений, король воров, человек с тысячью обличий. Совершая изощренные кражи, успешно уходя от возмездия, Люпен скопил колоссальное богатство, позволившее ему оставить карьеру преступника и встать на путь добродетели, верша правосудие и спасая жизни там, где бессилён закон. Однако знаменитый аферист не забыл свои старые привычки и его методы все так же удивительны и непредсказуемы... Сборник рассказов «Признания Арсена Люпена» сопровождается иллюстрациями французских, английских и американских художников.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-33950-7

© Леблан М., 1922
© Азбука, 1922

Содержание

Предисловие	8
На вершине башни	9
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Морис Леблан

Восемь ударов часов. Сборник рассказов

Maurice Leblanc

LES HUIT COUPS DE L'HORLOGE

© Н. А. Ляндзберг, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Предисловие

Эти восемь приключений поведал мне Арсен Люпен, приписав их одному из своих друзей – князю Ренину. Однако схожесть в манерах поведения, жестах и даже характерах не позволяет мне отличить одного от другого. Арсен Люпен – большой чудака, способный как отрицать некоторые из своих приключений, так и присваивать себе те, героем которых он не был. Пусть читатель сам рассудит.

На вершине башни

Гортензия Даниэль открыла окно и прошептала:

– Вы здесь, Россиньи?

– Здесь, – раздался голос из зарослей кустарника у подножия замка.

Слегка наклонившись, она увидела полного мужчину, поднявшего к ней свое круглое, красное, обрамленное белой бородой лицо.

– Итак? – спросил он.

– Вчера вечером я сильно поссорилась с дядей и тетей. Они решительно отказываются подписать соглашение, высланное моим нотариусом, и вернуть мне приданое, порядком растраченное моим мужем до его помещения под надзор.

– Однако ваш дядя настаивал на этом браке и несет ответственность согласно условиям контракта.

– Спорить с ним бессмысленно. Я же говорю, он отказывается...

– Что же теперь?

– Вы все еще хотите меня похитить? – смеясь, спросила она.

– Сильнее, чем когда-либо.

– Причем с самыми честными намерениями, не забываете об этом!

– Как вам угодно. Вы прекрасно знаете, что я от вас без ума.

– Жаль, что я от вас – нет.

– Я не прошу вас терять голову, просто любите меня хотя бы немного.

– Хотя бы немного? Вы очень требовательны.

– Но почему же тогда вы выбрали меня?

– Дело случая. Мне было скучно... Моей жизни не доставало впечатлений... Так что я решила рискнуть... Ловите! Вот мой багаж.

И она спустила огромные кожаные сумки прямо в руки Россиньи.

– Жребий брошен, – прошептала женщина. – Ждите меня в вашем автомобиле на перекрестке д'Иф, я приеду туда верхом.

– Проклятье! Не могу же я забрать вашу лошадь с собой.

– Она сама найдет дорогу домой.

– Отлично! А кстати...

– В чем дело?

– Кто такой этот князь Ренин, что живет здесь уже три дня?

– Не знаю. Мой дядя познакомился с ним на охоте у друзей и пригласил к нам в дом.

– Вы ему очень нравитесь. Вчера вы с ним долго гуляли. Мне он не по душе.

– Всего через два часа я покину этот замок вместе с вами. Очень вероятно, что этот скандал охладит пыл Сержа Ренина. Довольно, мы не можем терять времени.

Несколько минут она смотрела вслед Россиньи, который удалялся по пустынной аллее, согнувшись под тяжестью ее сумок, а потом закрыла окно.

В парке протрубили сигнал к началу охоты. Стая разразилась яростным лаем. Этим утром происходило открытие охотничьего сезона в замке Ла-Марез, где каждый год в начале сентября граф д'Эглирош, величайший охотник, и графиня принимали у себя друзей и местных землевладельцев.

Гортензия неспешно завершила свой туалет. Амазонка подчеркивала ее гибкую талию, широкие поля фетровой шляпы служили обрамлением красивому лицу и рыжим волосам. Затем она села к секретеру и попыталась написать своему дяде прощальное письмо, которое должно было быть доставлено ему этим вечером. За это сложное дело она безуспешно бралась уже множество раз. Вот и сейчас ей пришлось сдаться.

«Я напишу ему после, – сказала она сама себе, – когда его гнев поутихнет».

Гортензия прошла в столовую, где в камине пылали огромные поленья, а высокие стены украшала коллекция охотничьего оружия. Со всех окрестностей стекались в дом гости, чтобы позвать руку графу д'Эглирошу, одному из тех сельских джентльменов с мощной шеей, что живут только охотой. Он стоял у камина с бокалом коньяка и беседовал с гостями.

Гортензия рассеянно поцеловала его.

– Как, дядя?! Вы, всегда такой воздержанный, и пьете?

– Полно тебе, раз в году можно себе позволить некоторое излишество, – ответил он.

– Тетя будет сердиться.

– У твоей тети мигрень, она сегодня не выйдет. К тому же, – хмуро добавил он, – ее это не касается, а тебя, девочка моя, и того меньше.

К Гортензии подошел князь Ренин – весьма элегантный молодой человек с тонким и слегка бледным лицом. Взгляд его бывал то мягок, то тверд, выражая то расположение, то ироническую насмешку.

Поклонившись, он поцеловал Гортензии руку и проговорил:

– Осмеливаюсь напомнить вам о вашем обещании.

– Моем обещании?

– Да, вчера мы условились возобновить нашу замечательную прогулку и посетить тот старинный замок, вид которого так заинтриговал нас обоих... Кажется, это владения Галингра.

Гортензия сухо ответила:

– Прошу меня извинить, но это займет много времени, а я слишком устала. Я лишь прогуляюсь по парку и сразу вернусь.

Между ними повисла тишина, а затем Серж Ренин, с улыбкой смотря прямо на нее, тихо сказал:

– Я уверен, что вы сдержите свое обещание и прогуляетесь со мной. Так будет лучше.

– Для кого? Вероятно, для вас?

– Для вас тоже, поверьте.

Слегка покраснев, она ответила:

– Я не понимаю вас, месье.

– В моих словах нет никакой загадки. Живописная дорога, интересные владения Галингра. Никакая другая прогулка не доставит вам столько удовольствия.

– Однако же вам не занимать самонадеянности.

– Как и упрямства.

Она сделала негодующий жест, но промолчала, повернувшись к нему спиной и, пожав руки нескольким гостям, вышла из комнаты.

У крыльца грум держал под уздцы ее лошадь. Гортензия села в седло и направилась через парк к лесу.

Погода была свежая и тихая. Между трепещущими кронами деревьев проглядывало кристально голубое небо. Гортензия шагом проехала по извилистой просеке, и та через полчаса вывела ее к крутым склонам, которые пересекала большая дорога.

Там она остановилась. Ни звука. Россиньи, вероятно, заглушил мотор и спрятал автомобиль в зарослях на перекрестке. От него женщину отделяло не больше полукилометра. После секундного колебания она спешила, небрежно закинула поводья на сук, чтобы лошадь могла легко освободиться и вернуться к замку, а потом, прикрыв лицо длинной коричневой вуалью, продолжила путь.

Она не ошиблась: на первом же повороте к ней подбежал Россиньи и торопливо увлек в заросли.

– Быстрее, быстрее! Как же я боялся, что вы опоздаете... Или измените свое решение... И вот вы здесь! Неужели?..

Она улыбнулась:

- Вы совершаете глупость и при этом счастливы?
- Счастлив ли я?! Клянусь, вы будете счастливы не меньше моего!
- Возможно, однако глупостей я делать не буду!
- Вы будете делать все, что захотите, Гортензия. Ваша жизнь превратится в сказку.
- А вы обернетесь прекрасным принцем?
- Вы будете жить в роскоши, богатстве...
- Мне не нужно ни того ни другого.
- Чего же вы хотите?
- Счастья.
- Теперь ваше счастье – это моя забота.
- Что же за счастье вы мне предлагаете? Не сомнительно ли оно? – пошутила Гортензия.
- О, вы увидите... Увидите...

Они подошли к автомобилю. Россины, продолжая свои излияния, завел двигатель. Гортензия села в салон и закуталась в мантию. Машина, проехав по траве, вернулась к перекрестку и стала было набирать скорость – но вдруг со стороны леса раздался выстрел. Россины резко затормозил. Автомобиль сразу вильнул в сторону.

- Передняя шина лопнула! – крикнул Россины, спрыгивая на землю.
 - Нет! – воскликнула Гортензия. – Это был выстрел.
 - Это невозможно, милый друг! Что вы такое говорите?!
- В то же мгновение раздался два новых выстрела, и Россины прорычал:
- Вот и задние шины пробиты... но, черт возьми, кто это стреляет? Досталось бы ему от меня!
- Он поднялся на насыпь около дороги. Никого. Деревья заслоняли обзор.

– Проклятье! – выругался он. – Вы были правы: стреляли по машине! Она заглохла, так что мы застряли здесь на несколько часов. Три шины нужно заменить... Но, милый друг, что это вы делаете?

Женщина выскочила из автомобиля и пошла прочь от Россиньи.

– Я ухожу.

– Но почему?

– Хочу узнать, кто в нас стрелял!

– Умоляю вас, не будем разлучаться...

– Неужто вы и впрямь думаете, что я согласна ждать вас несколько часов?

– Но наша поездка... Наши планы?

– Завтра все обсудим... Вернитесь в замок и отнесите туда мои сумки.

– Прошу вас, умоляю... Я не виноват! У вас такой вид, будто вы сердитесь на меня.

– Вовсе нет. Однако же, когда похищают женщину, такого быть просто не должно. Прощайте.

И Гортензия поспешно удалилась. К счастью, она нашла свою лошадь на прежнем месте и умчалась в противоположном от замка направлении.

У нее не было и тени сомнения: те три выстрела – дело рук князя Ренина.

– Это он, – в ярости прошептала она. – Наверняка он... Никто больше не способен на такое...

Не он ли предупредил ее с самонадеянной улыбкой: «Вы вернетесь, я уверен в этом... Я буду ждать вас».

Она плакала от злости и унижения. Встреть она сейчас князя Ренина, он бы тут же познакомился с ее хлыстом.

Впереди расстилалась живописная суровая местность, граничащая на севере с департаментом Сарт, – ее еще называют Маленькой Швейцарией. Гортензии часто приходилось сдерживать лошадь на крутых склонах; до цели оставалось еще десять километров. Постепенно накал страстей и напряжение сил стали спадать, однако уступать князю Гортензия не собиралась. Она была зла на него не только за его дерзкие слова, но и за все его поведение на протяжении последних трех дней, за усердные ухаживания, за подчеркнутую вежливость, сопряженную с надменностью.

Наконец Гортензия добралась до цели. На дне долины показалась старая потрескавшаяся стена, поросшая мхом и травой. Над ней маячила небольшая колокольня и виднелись закрытые ставнями окна. Это было имение Галингра.

Она проехала вдоль стены и завернула за нее. На полукруглой площадке у главных ворот ее, стоя рядом со своей лошадью, уже ожидал князь Ренин.

Гортензия соскочила на землю. Князь с обнаженной головой подошел к ней и начал было благодарить за оказанную честь, но она перебила его:

– Подождите! Одно слово! Только что произошло нечто невероятное. В автомобиль, в котором я находилась, трижды выстрелили. Это стреляли вы?

– Да.

Она растерялась:

– Так вы признаётесь?

– Мадам, вы задали вопрос – и я на него отвечаю.

– Но как вы посмели?! По какому праву?

– Права у меня нет, но зато есть обязанность.

– В самом деле? И что же это за обязанность?

– Защищать вас от человека, собравшегося воспользоваться вашим несчастьем.

– Месье, я запрещаю вам так говорить со мной. Я отвечаю за свои поступки и это решение приняла по собственной воле.

– Нынче утром, мадам, я невольно стал свидетелем вашего разговора с месье Россиньи, и мне показалось, что на сердце у вас беспокойно. Извините мне мое грубое вмешательство. Рискую прослыть невежей, я все же решился дать вам несколько часов на раздумья.

– Я не раздумаю. Если я решилась, то не отступлю.

– Возможно. Однако же сейчас вы здесь, а не там.

Молодая женщина смутилась. Вся ее ярость испарилась. Теперь она видела в князе Ренине человека, способного на великодушный и бескорыстный поступок. Она прекрасно понимала, что он сделал это без какой-либо задней мысли, лишь для того, чтобы уберечь ее от неверного шага.

Князь сказал ей очень тихо:

– Мадам, я мало знаю о вас, однако мне и этого довольно, чтобы стремиться быть вам полезным. Вам двадцать шесть лет, и вы сирота. Семь лет назад вы вышли замуж за племянника графа д'Эглироша. Однако ваш муж оказался полусумасшедшим, и его пришлось поместить в лечебницу для душевнобольных. Отсюда невозможность развода и необходимость жить на попечении вашего дяди, ибо ваше приданое растрчено мужем. Граф и графиня не ладят между собой, так что в доме царит не слишком приятная атмосфера. Некогда первая жена графа сбежала с первым мужем нынешней графини. Покинутые супруги в отместку решили связать свои судьбы, но этот союз принес им лишь новые разочарования и обиды. Вы тоже страдаете рядом с ними, ведя монотонную и уединенную жизнь. И вот в один прекрасный день вы встречаете месье Россиньи. Он, очарованный вами, предлагает бежать с ним. Вы не любите его. Но скука, потерянная молодость, жажда неизведанного и приключений... все это склонило вас к согласию, хотя вы и намереваетесь обмануть вашего воздыхателя, питая наивную надежду, что этот скандал вынудит вашего дядю считаться с вами и позволить вам жить независимо. Вот каково ваше нынешнее положение. Сейчас вам нужно выбрать: отдаться в руки месье Россиньи или же довериться мне.

Она подняла на него глаза. Что он хочет сказать? Что значит его предложение, высказанное таким серьезным тоном, как если бы друг предлагал помощь, не ожидая ничего взамен?

После некоторого молчания князь Ренин, взяв обеих лошадей под уздцы, привязал их. Оглядел тяжелые ворота, обе створки которых были укреплены приколоченными крест-накрест досками. Предвыборный плакат двадцатилетней давности, висевший рядом, свидетельствовал, что с того времени никто не переступал порога имения.

Ренин вырвал из решетки, окружавшей полукруглую площадку, железный прут и использовал его как лом. Гнилые доски не выдержали. Под одной из них оказалась замочная скважина, с которой князь расправился при помощи ножа со множеством лезвий и всяческих приспособлений. Ворота распахнулись, и они увидели длинное полуразрушенное здание с четырьмя узкими башенками по углам. Наверху находилось нечто вроде бельведера.

Все прочее пространство занимало поле, поросшее папоротником.

Князь повернулся к Гортензии.

– Вам незачем торопиться, – сказал он. – Этим вечером вы примете решение, и, если месье Россиньи все же удастся убедить вас, я обещаю не преграждать более вам путь. Но до тех пор позвольте мне быть рядом с вами. Вчера мы с вами захотели осмотреть этот замок – так отчего бы не сейчас? Это лишь способ убить время. Я подумал, что это может оказаться интересным.

Князь говорил, будто приказывая. Он повелевал и умолял одновременно. Молодая женщина даже не пыталась противиться той силе, что сковала ее волю, и последовала за своим спутником к полуразрушенному крыльцу. Поднявшись на него, они очутились перед дверью, опять же забитой досками.

Ренин вновь воспользовался своим чудо-ножом, и они вошли в большой вестибюль, выложенный черно-белой плиткой и обставленный довольно скудно: там были лишь старин-

ный комод да церковные скамьи. На стене красовался вырезанный из дерева герб, на котором был изображен орел, вцепившийся когтями в скалу. Под гербом виднелась затянута паутиной дверь.

– Там, вероятно, гостиная, – сказал Ренин.

Эта дверь не поддавалась так легко, и чтобы открыть ее, князю пришлось применить силу. Гортензия не проронила ни слова. Она не без удивления наблюдала за всеми этими манипуляциями, проделанными прямо-таки мастерски. Ренин угадал ее мысли и пояснил:

– Я был слесарем – для меня это детская игра.

Вдруг она схватила его за руку и прошептала:

– Прислушайтесь!

– Что такое? – спросил он.

Она крепче сжала его руку, прося замолчать, и он прошептал:

– Это и правда странно.

– Слушайте, слушайте, – повторила удивленная Гортензия. – Ох! Как такое возможно?

Невдалеке от них раздавался тихий звук, мерное тиканье, в котором нельзя было не распознать ход часов. Это протяжное негромкое тиканье, производимое тяжелым медным маятником, звучало в абсолютной тишине темной гостиной, как удары метронома. Казалось невероятным, что в этом мертвом замке слышен размеренный пульс маленького механизма... Необъяснимое явление. Практически чудо.

– Однако, – шепнула Гортензия, не смеяшая говорить во весь голос, – сюда ведь давно никто не входил.

– Ни единая душа.

– Не может же быть, чтобы эти часы сами, без завода, продолжали свой ход в течение двадцати лет?

– Это невозможно.

– Тогда как?..

Серж Ренин распахнул все три окна, сломав наружные ставни.

Они действительно находились в гостиной, однако в ней не было и следа беспорядка. Все оставалось на своих местах. Жильцы, покинувшие эту уютную комнату, не захватили с собой ни книг, ни стоявших на столиках и полочках безделушек.

Ренин исследовал старые напольные часы – их резной деревянный корпус, овальное окошко, в котором виднелся диск маятника. Он открыл дверцу: гири часов достигли конца своего пути.

И вдруг раздался щелчок – и часы пробили восемь раз. Этот громкий бой Гортензия запомнила навсегда.

– Чудо! – прошептала она.

– Действительно чудо, ведь механизм часов очень прост. Завода хватает только на неделю.

– Вы не находите в этом ничего странного?

– Нет, ничего. Впрочем...

Он нагнулся и вытащил из корпуса часов металлический цилиндр, спрятанный за гириями.

– Подзорная труба, – сказал он задумчиво, – но зачем она здесь? К тому же она вытянута на всю свою длину. Странно... Что бы это могло значить?

Часы пробили во второй раз. Опять прозвучали восемь ударов. Князь Ренин закрыл дверцу и продолжил свой осмотр, так и не вернув трубу на место. Большая арка в гостиной вела в комнату поменьше, напоминавшую курительную и тоже меблированную. Застекленный шкаф для оружия, впрочем, пустовал. Висевший рядом календарь показывал 5 сентября.

– Ах! – воскликнула пораженная Гортензия. – Та же дата, что и сегодня! Все остальные листы оторваны. И сегодня годовщина! Какое необычайное совпадение!

– Необычайное, – повторил он, – сегодня годовщина их отъезда... с тех пор миновало двадцать лет...

– Согласитесь, все это непостижимо.

– Да, верно, однако...

– У вас есть какие-то идеи?

Он ответил спустя пару секунд:

– Меня настораживает эта спрятанная словно бы в последний момент подзорная труба. Для чего она была нужна? Из окон первого этажа не увидеть ничего, кроме сада, да и из остальных окон, без сомнения, тоже. Дом стоит в долине, горизонт скрыт. Чтобы воспользоваться трубой, нужно взобраться довольно высоко... Не угодно ли вам подняться наверх?

Она не колебалась. Таинственность, окружавшая их приключение, так возбудила ее любопытство, что она была готова следовать за князем и помогать ему во всех его поисках.

Они взойшли по главной лестнице на площадку второго этажа, откуда на крышу, в тот самый бельведер, вела винтовая лестница.

Бельведер имел вид открытой террасы, окруженной высоким, в два метра, парапетом.

– Должно быть, прежде тут были башенные зубцы, но затем их сломали, – заметил Ренин. – А вот здесь когда-то располагались бойницы, теперь они заложены.

– Так или иначе, – сказала Гортензия, – но здесь подзорная труба тоже бесполезна. Нам остается лишь вернуться вниз.

– Я придерживаюсь другого мнения. Рассуждая логически, можно прийти к выводу, что труба использовалась именно в этом месте, так как только отсюда видны все окрестности.

Подтянувшись на руках, он взобрался на парапет. Перед его взором раскинулись долина и парк с высокими деревьями, а метрах примерно в восьмистах на лесистом холме виднелась башня – невысокая, полуразрушенная, увитая плющом.

Ренин продолжил осмотр. Все его мысли занимала подозрная труба. Пойми он, для чего та использовалась, – и тайна замка была бы раскрыта.

Он обследовал все бойницы. Одна из них... вернее сказать – место, где она прежде располагалась... заинтересовала его. В слое штукатурки было углубление, забитое землей и заросшее травой. Он вырвал ее и очистил показавшееся сквозное отверстие диаметром сантиметров в двадцать. Наклонившись к нему, Ренин убедился, что отверстие позволяет обозревать

окрестности и наблюдать за увитой плющом башней. Подзорная труба с легкостью вошла в эту похожую на канал дыру, причем повернуть ее ни вправо, ни влево было невозможно.

Князь протер оба стекла и заглянул в подзорную трубу, стараясь ни на миллиметр не сдвигать ее с места. Тридцать-сорок секунд протекли в полном безмолвии, а затем князь поднялся и сказал изменившимся голосом:

- Это ужасно... Поистине ужасно.
- Что там? – спросила она с тревогой в голосе.
- Посмотрите сами...

Гортензия наклонилась и, в свою очередь, прильнула к окуляру подзорной трубы, но картинка показалась ей недостаточно четкой. Однако через некоторое время она спросила с дрожью в голосе:

- Это ведь два чучела, да? Их поместили туда... но зачем?..
- Присмотритесь, – сказал он. – Под шляпами... лица.
- О! Какой ужас!

Круглые стекла трубы, направленной на башню, будто театральные прожекторы, высветили следующую картину: на верхней площадке развалившейся башни, у стены, увитой плющом, к груде камней прислонились два скелета, мужской и женский. Хотя можно ли было назвать эти зловещие фигуры без глаз и плоти мужчиной и женщиной?

- Два скелета, – прошептала Гортензия, – два скелета в одежде... Кто их туда перенес?
- Никто.
- Но...

– Эти двое, вероятно, много лет назад умерли на вершине этой башни. Плоть их разложилась и стала обедом для воронов.

– Чудовищно! Поистине чудовищно! – сказала побледневшая Гортензия; лицо ее исказила гримаса отвращения.

Полчаса спустя Гортензия Даниэль и Серж Ренин покинули владения Галингра. Прежде чем отправиться в обратный путь, они посетили ту самую обвитую плющом башню, бывшую ранее донжоном крепости. В прежние времена подниматься на нее следовало по деревянным лестницам, обломки которых сейчас валялись на земле. Башня примыкала к стене, окружавшей парк.

Гортензию удивило, что Ренин пренебрег тщательным осмотром башни, будто потеряв всякий интерес ко всей этой истории. Он даже не упоминал ее, так что в ближайшем деревенском трактире, где они остановились, чтобы подкрепить силы, именно Гортензии пришлось расспрашивать трактирщика о заброшенном имении. Однако оказалось, что он совсем недавно переехал в эти края и не знал о них ровным счетом ничего, поэтому расспросы были напрасными.

Они направились обратно в Ла-Марез. Гортензия не могла забыть об увиденном ими ужасном зрелище, однако князь Ренин был, напротив, очень весел, полон внимания к своей спутнице, но совершенно равнодушен к истории двух скелетов.

– Невозможно это так оставить! Надо принять решение! – наконец нетерпеливо воскликнула она.

– Конечно надо. Примите решение касательно месье Россины, чтобы он знал, чего ему ожидать.

Она пожала плечами:

- Речь не о нем... во всяком случае, сегодня.
- А о ком речь сегодня?
- О тех мертвецах.
- Однако Россины...
- Он может подождать, я – нет.

– Пусть так. Вероятно, он все еще не починил свои шины. Но что вы ему скажете? Это важно.

– Важно то, что мы с вами видели. Из-за вас я столкнулась с тайной, перед которой меркнет все остальное. Каковы теперь ваши намерения?

– Мои намерения?

– Да ведь там двое мертвецов! Вы обратитесь к властям, не так ли?

– Святые небеса! – воскликнул он. – Но зачем?

– Эту тайну необходимо раскрыть во что бы то ни стало, ибо произошла пугающая драма...

– Нам для этого никто не нужен.

– Что вы говорите? Неужто вы уже сами во всем разобрались?

– Господи, да конечно! Я будто прочитал книгу с очень детальными иллюстрациями. Все очень просто!

Она взглянула на него с подозрением, подумав, что над ней подшучивают, но князь был совершенно серьезен.

– И что же там случилось? – спросила Гортензия, вся трепеща.

День начинал угасать. Когда они добрались до замка, охотники уже вернулись.

– Ну а теперь, – заявил Ренин, – мы дополним нашу историю, выслушав кого-нибудь из местных старожилов. Есть у вас кто-то на примете?

– Мой дядя. Он никогда не покидал эти края.

– Прекрасно. Значит, мы расспросим графа д'Эглироша, и вы сами увидите, как все логично и взаимосвязано. Это очень увлекательно – восстанавливать цепь событий, держа в руках только первое ее звено.

В замке они расстались. В своей комнате Гортензия нашла собственный багаж и негодующее письмо Россины, в котором он попрощался с ней и сообщал, что уезжает.

«Ну да и бог с ним, – сказала она сама себе, – этот чудак принял лучшее решение».

Она позабыла все – и свой флирт с ним, и бегство, и их общие планы. Теперь Россины стал для нее более чужим, чем Ренин, хотя всего несколько часов назад последний не пробуждал в ней никаких добрых чувств.

Князь постучал в ее дверь.

– Ваш дядя в библиотеке, – сказал он. – Не желаете тоже пойти туда? Я предупредил его о своем визите.

Она согласилась, и князь добавил:

– Да, вот еще что: когда я сорвал ваши утренние планы и призвал довериться мне, я тем самым взял на себя обязательство, выполнение которого не буду откладывать. И вы сейчас в этом убедитесь.

– Вы взяли на себя лишь одно обязательство, – смеясь, ответила она. – Удовлетворить мое любопытство!

– Оно будет полностью удовлетворено, – заявил он серьезно, – если граф д'Эглирош подтвердит мои выводы.

Граф д'Эглирош действительно пребывал в одиночестве. Он курил трубку и пил херес. Князю Ренину тоже был предложен бокал, но он отказался.

– А у тебя, Гортензия, все ли благополучно? – спросил он заплетающимся языком. – Эти несколько сентябрьских дней – наше единственное развлечение. Вы с князем совершили приятную прогулку?

– Именно об этом я и хотел поговорить с вами, месье, – прервал его князь.

– Простите, но через десять минут мне нужно отправляться на станцию, чтобы встретить подругу моей жены.

– О, десяти минут более чем достаточно!

– Как раз хватит, чтобы выкурить одну сигарету, не так ли?

– Да, пожалуй.

Ренин взял сигарету из протянутой ему хозяином коробки, закурил и сказал:

– Случайность, представьте себе, привела нас к старому имению Галингра, вам, конечно же, известному.

– Безусловно. Однако, помнится, тамошние ворота были заперты чуть ли не четверть века назад. Так вы не смогли попасть внутрь?

– Отчего же...

– Вот как? И что, интересный оказался визит?

– Чрезвычайно. Мы обнаружили там невероятные вещи.

– Какие же? – спросил граф, поглядывая на часы.

Ренин продолжил:

– Заколоченные комнаты, гостиную, сохранившую свой изначальный вид, напольные часы, которые каким-то чудом прозвонили во время нашего там пребывания...

– Сколько подробностей!.. – пробормотал граф д'Эглирош.

– Будут еще и другие. Мы поднялись на бельведер и оттуда увидели, что на башне, достаточно отдаленной от замка, лежат два мертвеца. Вернее сказать – два скелета, мужчины и женщины, в одежде, сохранившейся со дня их убийства...

– Так уж и убийства? Пустое предположение...

– Нет, уверенность. И именно поэтому мы и решились вас обеспокоить. Разве эта история двадцатилетней давности не была тогда у всех на слуху?

– Может, и так, – отозвался граф. – Но мне не приходилось слышать ни о каком-нибудь преступлении, ни о чем-то исчезновении.

– Обидно! – сказал Ренин слегка разочарованно. – Я надеялся узнать кое-какие подробности...

– Сожалею.

– В таком случае прошу меня извинить.

Он бросил взгляд на Гортензию и направился к выходу. Однако на полпути передумал, вернулся и попросил:

– А может, вы познакомите меня с кем-нибудь из ваших родственников... с тем, кто слышал об этой истории?

– С кем-нибудь из моих близких? Но зачем?

– Владения Галингра принадлежали – и до сих пор, без сомнения, принадлежат семейству д'Эглирош. Это видно по гербу с изображением орла, сидящего на камне, точнее – на скале. Вывод напрашивается сам.

Граф выглядел удивленным. Поставив свой бокал, он проговорил:

– Да что вы? Я и понятия не имел...

Ренин, улыбаясь, покачал головой:

– Мне кажется, милостивый государь, что вам попросту неприятно признавать родство с этим безвестным владельцем имения.

– Вы полагаете, что он – человек сомнительный?

– Он – убийца.

– Что вы говорите?!

Граф встал. Гортензия, до крайности взволнованная, спросила:

– Вы уверены, что убийство было совершено кем-то из замка Галингра?

– Все свидетельствует именно об этом.

– Но откуда такая убежденность?

– Потому что я знаю и кто эти жертвы, и причину их убийства.

Князь Ренин говорил авторитетно, и потому у собеседников создавалось впечатление, будто он опирается на неопровержимые доказательства.

Граф д'Эглирош ходил туда и обратно по комнате, заложив руки за спину. Наконец он произнес:

– Чутье давно уже подсказывало мне, что там и впрямь случилось нечто подобное, однако я никогда не пытался разузнать подробности... Припоминаю, что двадцать лет назад в замке Галингра действительно жил мой дальний родственник. Но поскольку в этой темной истории, детали которой, повторюсь, мне неизвестны, замешано мое имя, я надеялся больше к ней не возвращаться.

– Значит, их убил ваш дальний родственник?

– Он был вынужден сделать это.

Ренин с сожалением покачал головой:

– Боюсь, я вынужден вас поправить. Правда, дорогой месье, такова, что ваш родственник убил хладнокровно и без тени сомнения. Я не знаю ни одного преступления, сравнимого с этим по коварству и расчетливости.

– Откуда вам это известно?

Пришло время князю объясниться. Настал серьезный и торжественный момент, полный тягостного предчувствия. Гортензия ощущала это, но еще не догадывалась о драме, к которой шаг за шагом приближался в своем рассказе князь.

– История довольно проста, – начал Ренин. – Все указывает на то, что месье д'Эглирош был женат и что неподалеку от владений Галингра жила другая супружеская чета. Обе пары водили знакомство. Что же произошло? Кто из этих четверых первым внес раздор в дружеские отношения? Этого я не могу вам сказать. Но можно предположить, что именно жена вашего родственника, госпожа д'Эглирош, назначала своему возлюбленному встречи в увитой плющом башне, имевшей выход из поместья. Узнав об этом, ваш родственник решил отомстить, но таким образом, чтобы история эта не раскрылась и не вызвала скандала. Он, как и я, заметил, что с бельведера открывается отличный вид на вершину башни, увитой плющом. Прodelав дыру под старой бойницей и поместив туда подзорную трубу, он смог наблюдать за любовными свиданиями. В воскресенье, пятого сентября, приняв предварительно все меры предосторожности, точно рассчитав расстояние и убедившись, что в замке никого больше нет, он через это отверстие убил обоих двумя выстрелами.

Правда наконец раскрылась. Дневной свет боролся с подступающей тьмой. Граф пробормотал:

– Да, должно быть, так все и произошло. Значит, мой родственник...

– Убийца, – продолжил Ренин, – заделал дыру в бойнице землей и сломал деревянные лестницы, ведущие на башню. Никто не мог предположить, что на вершине башни гниют два трупа. Оставалось только объяснить внезапное исчезновение жены и друга. Объяснение нашлось быстро – они сбежали.

Гортензия вскочила. Последние слова князя открыли ей глаза на истину: она поняла, к чему клонит Ренин, и воскликнула:

– То есть вы хотите сказать, что...

– ...что месье д'Эглирош обвинил свою жену и своего друга в том, что они решили сбежать.

– Нет-нет! – выкрикнула она. – Я вам не верю! Ведь речь шла о родственнике моего дяди, так почему же вы путаете две разные истории?

– Путаю? О нет, дорогая мадам, есть и была только одна история, и сейчас я рассказываю, как именно все произошло.

Гортензия повернулась к своему дяде. Тот молчал, скрестив руки на груди; его голову скрывала тень, отбрасываемая абажуром. Почему же он не возражает?

Ренин продолжил:

– Никакой другой истории нет и не было. Вечером пятого сентября, в восемь часов, местье д'Эглирош, вероятно под предлогом поиска беглецов, запер свой дом и покинул его. Он ушел, оставив все вещи на своих местах и прихватив лишь ружья из оружейного шкафа. В последний момент его осенила догадка – и, как оказалось, верная, – что подозрная труба может вызвать подозрения и стать ключевой уликой, поэтому он спрятал ее внутрь часов, задев при этом маятник и остановив ход часов. Этот машинальный поступок, подобный которому непременно совершает любой злодей, и выдал его спустя двадцать лет. Вероятно, мои действия, когда я взламывал дверь гостиной, привели маятник в движение. Часы снова пошли, пробили восемь раз, и... нить Ариадны провела меня через весь этот лабиринт.

Задыхаясь от волнения, Гортензия спросила:

– Но доказательства! Где они?!

– Доказательства? – громко переспросил Ренин. – Их более чем достаточно, и они вам известны. Кто мог убить, искусно выстрелив с такого расстояния, кроме заядлого охотника, верно, местье д'Эглирош? Доказательства? Почему из замка не взяли ничего, кроме ценных охотничьих ружей? Это ведь они украшают вашу столовую, граф? Доказательства? А дата, пятое сентября? Лишь в этот день преступник отказывается от своих привычек и наполняет дом гостями. Не потому ли, что ужасные воспоминания берегут его память? Сегодня как раз пятое сентября. Да и какие еще доказательства вам нужны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.